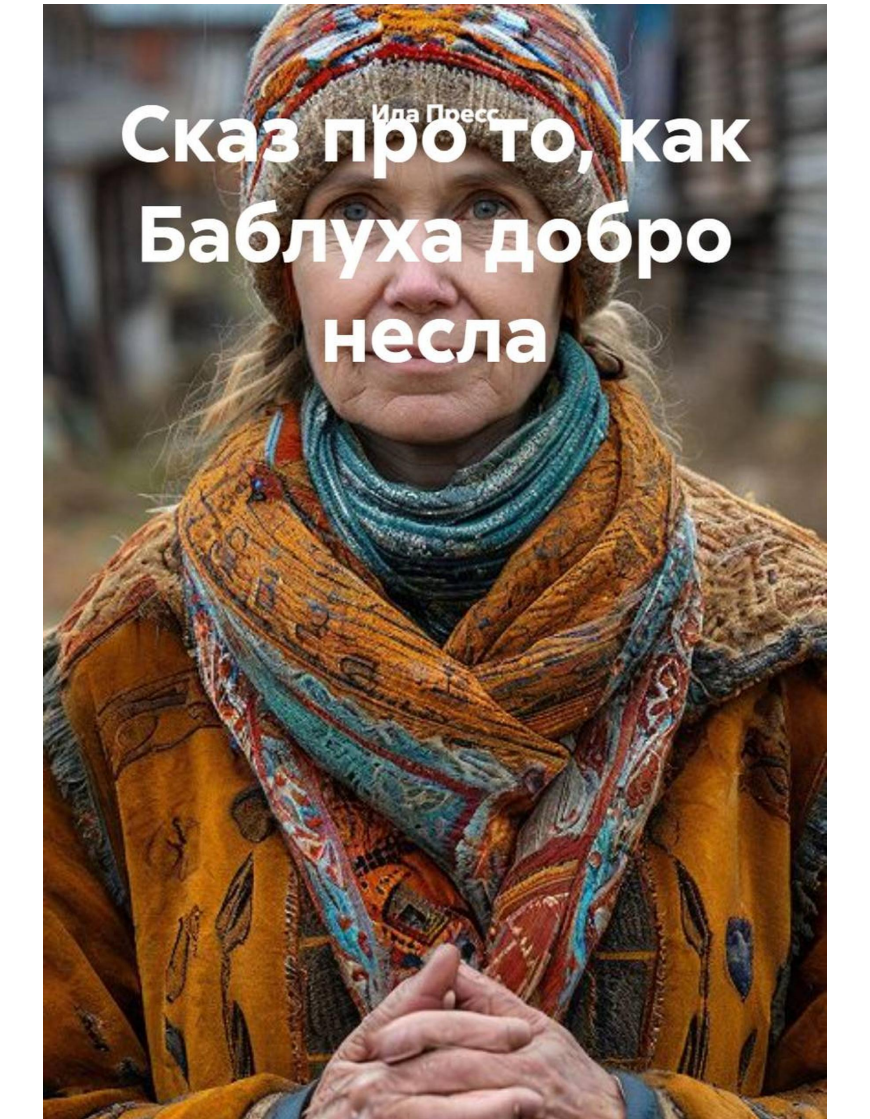

Ида Пресс

Сказ про то, как Баблуха добро несла

Ида Пресс

Сказ про то, как

Баблуха добро несла

<https://litres.ru/74415987>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе Скопин живёт блогер Света Молодцова, которая занимается благотворительностью: помощью одиноким старикам и инвалидам. Много дел наделала она за последние годы. Многие её подопечные уже умерли, но многие ещё живут и здравствуют. У Светы большая аудитория на Ютубе, и множество простых людей шлёт ей деньги на помощь бедным людям.

Ида Пресс

Сказ про то, как Баблуха добро несла

Сказ про то, как Баблуха добро несла

Первая часть

Во городе во Скопине, что в Рязанской губернии, жила-поживала тётя Света Молодцова, одинокая, но многого желавшая. А желала она хорошо жить, много денег и имущества иметь, но при этом не утруждать себя тяжёлой работой. Только как же всё это соблюсти, не имея за душой ничего, кроме хотения? Вот пришлось Светке думу думать и раскидывать небогатым умишком так и этак, чтобы прокормиться да не гнуть спину. Придумала! Благо дураков и кликуш земля родная издревле в большом количестве рождает, а с ними у Светки разговор короткий будет, - гоните деньгу, дурёхи беспамятные, и вопросов неуместных мне не задавайте.

Талантов никаких у Светки не было, благо бог не Ермошка, думает немножко. Известно лишь только то, что и неоткуда им было взяться по природе, - не было в её роду ничего примечательного. Так уж заведено исстари, что совсем не рождаются в рязанской глубинке ни гении, ни выдающиеся злодеи, ни иные какие приметные личности, а появляются

ся на свет божий всё больше такие светки молодцовы, которые, доживая до старости, так и не понимают, зачем они хлеб едят да солнце на них льёт свою благодать. Братья её, которых народилось много, достигнув совершеннолетия, с охотой принялись разбойничать и воровать. Светка же, по женскому своему состоянию, рассудила, что заниматься уголовщиной, какой промышляли братцы, ей не с руки: никто из мужиков её не испугается, разве только посмеётся да обругает скверно. Рассудила здраво, поскольку, хоть и была она более похожа на мужика, чем на бабу, а всё же против мужчин пасовала, опасаясь быть побитой. И так и этак кинь – а всюду клин. Но дурак думкой богатеет, - вот и Молодцова разбогатела.

Стала она сначала работать по профессии – клоуном в три притопа и два прихлопа на корпоративах, свадьбах и прочих вкусных вещах. Дело не особо шло, потому что рязанцы хотели получать одно, а получали на мероприятиях с участием Светки другое, и это другое очень напоминало встречу двух синяков у вокзального ларька. Могучая Светка, хватив рюмашку-другую для куража, изображала из всех своих кобылых сил светскую львицу с манерами, но в итоге орала дурниной и лезла зачем-то меряться силой с мужиками, которые офигевали от её стокилограммового напора и утекали от боестолкновений. Светка приуныла. Не было особых доходов от такой светской жизни, а жизни ой как хотелось попробовать.

На Светкино счастье нашлись в Скопине люди, которые пожелали наставить её на путь истинный, а заодно и себе помочь. Некая бывшая маклерша и банковская служащая, проворовавшаяся вконец и счастливо избежавшая острога, взяла её под свою опеку.

«А не желаешь ли ты, красавица моя, получить славу и деньги на прожитие?» - спросила маклерша-бандерша Молодцову.

Светка, впервые в жизни услышавшая, что она-таки красавица, зацвела пунцовым цветом и, схватив за руку благодетельницу, воскликнула искренне:

- Желаю, ещё как желаю! Только средств для этого не имею!

- А тебе и не надо их иметь, - успокоила её благодетельница. – Надо тебе только слушать меня и на ус мотать. Голос у тебя громкий, размеры внушительные, - с таким-то добром мы вмиг скопинские прерии уделаем, да так, что аборигены местные и опомниться не успеют.

- Это как же, Ольга Егоровна? – спросила Светка с недоверием.

- Про то я ведаю, дорогая. Уж положишься на меня и не робей.

- Может, по церковной части мне пойти? Нести людям свет христианский, а то его так много во мне, что уж и не знаю, куда это добро девать.

- Э нет! Наши-то попы тебе развернуться не дадут на сво-

ей поляне, потому как им самим от святости кормиться хочется. Лучше тебе, мать, выйти на путь помощи нуждающимся.

- А кто же эти люди и как их найти? Хоронятся ото всех, поди, в своих избушках и землянках, попробуй их сыщи.

- Дело это нехитрое. Адреса и положение их известны, у нашей соцзащиты все они на примете. От тебя что требуется? Знай снимай, как добро несёшь бабкам и дедкам, и народ наш так прилипнет к мониторам, что и не отлепишь. Они, сердобольные, это любят. Ты усвой три вещи блогерские: поминай отца нашего небесного чаще, ори громче и плюй на хейтеров с высокой колокольни, и будет всем нам тогда счастье не только в рублях, но и в нескрепной валюте, прости господи.

Светка заискрилась светом добра в предвкушении благих дел, но от одной какой-то потаённой мысли умолкла в раздумье и философски закряхтела.

Благотельница мигом уловила некую печаль в Светкиных карасьих глазах и спросила с участием:

- Что тебя ещё тревожит? Спрашивай, на всё отвечу.

- В технологиях я не сильна, да и пишу с ошибками. Камеру умею крепко держать, так ведь этого для блогерства мало, думаю. Вон какие в интернете рожи умные висят, - говорят складно, а на поверку у многих из доходов пшик кудрявый да дырка от бублика.

«Чем тебе думать-то, блаженная Фетинья? Ты же тупая,

как пробка, даром что ли в коррекционке отучилась», - подумала Егоровна, но вслух успокоила будущую звезду Ютуба:

- Нашла о чём горевать! У нас много ботанов, сведущих в этом. Я тебе быстро организую канал, ботов нагоню и помогу с монетизацией, а твоё дело нехитрое, но благое и богоугодное, так и знай!

Светка в этот миг окончательно уверовала в высшее своё предназначение и ринулась на улицы Скопина в поисках благодати.

Началась у Молодцовой блогерская нелёгкая жизнь. Чаяла она, что сразу, на первой же улице, отыщет благодарных клиентов, но получился вместо успеха конфуз.

В большом мусорном контейнере угнездились два мужика и рылись в его содержимом в поисках чего-нибудь пригодного для обывательского своего существования.

Светка издалека заприметила их и ринулась в их сторону с энтузиазмом норковой псины, учуявшей лису.

- Эй, мужики, чего это вы здесь делаете? – зычно обозначила она своё присутствие.

Мужики, оторвавшись от работы, глянули на неё с недоумением и некоторым недовольством.

- А тебе какое дело? Работаем работу, не видишь что ли, - буркнул один из них.

- Да вижу, что работаете. А что ищете?

- Что надо, то и ищем. Тебе чего от нас надо?

- Я просто гуляю здесь и ко всему, что интересно, приглядываюсь.

- Так и иди себе с богом, куда надо. А к нам приглядываться нечего.

- Ты чего это так говоришь? А если я сама захочу здесь порыться? Контейнер-то не ваш, а общий.

Мужик удивился пожеланиям чудной бабы исполинских габаритов и минуту-другую пребывал в прострации, не зная, как отогнать от себя эту диверсантку. Вдруг разглядел он в руках у неё камеру и всерьёз обозлился.

- Ты чего это?! Снимаешь нас, что ли? А ну убери камеру, дура, а не то я тебе щас объясню всё, что надо!

- Да я просто так стою! Ты чего на меня орёшь?

Светка, хотя и снимала всю сцену с самого начала, вела по старой зековской привычке напропалую, - авось лошаки поверят. Этой воровской премудрости обучили её братцы-уголовники, и учение впрок пошло.

Но везде и во всякое время суток могут случиться промашки. Мужик обалдел сначала от такой очевидной наглости, а потом с очень серьёзным видом начал выбираться из контейнера.

- Я тебе щас разьясню физически про обман зрения! – заорал он не шутя, и Светка, поняв, какой оборот принимает дело, огласила окрестности хавроньим визгом и мелкими

шажками попятилась прочь.

Затем она уже в полную силу пустилась наутёк и перешла на шаг только тогда, когда бранные крики мужика у неё за спиной затихли. Светка с перепугу так рванула, что не заметила, как оказалась за три квартала от чёртовой мусорки. «Фу, и дёрнула же меня нелёгкая с бомжами связаться. Да на кой дьявол мне такое познавательное блогерство! Уж лучше по бабкам ходить, - они, по крайней мере, морду набить не смогут и от добра моего никуда не денутся, потому как сами еле ползают», - рассудила Светка, отдышавшись.

Начала Светка в Скопине добро нести. Но натур, подходящих для успеха, в городе не сыскала, а потому довольствовалась тем, что под руку попадалось. Попадались в основном гуляющие люди, зеки без кола и двора, определённые на жительство в эту местность, и прочий колоритный бомонд.

Нашла она однажды бабуку-веселушку, проживавшую с сожителем в довольно крепком домике на окраине Скопина.

«А чем вы занимаетесь, к чему у вас душа лежит?» - поинтересовалась Светка бесхитростно.

«А самогон варю, милая, - ответила бабка просто. – Не бойся, - напиток у меня хороший, без подвоха. Вся улица берёт. Сейчас пробу снимать буду, и ты вместе со мной по-пробуешь».

Светка была удивлена и растрогана искренним гостеприимством, только никак в толк не могла взять, как этот божий одуванчик справляется с таким нелёгким делом.

«Так ведь, почитай, тридцать с лишком лет гоню продукт», - успокоила её бабка и усадила за стол. Тут и соседи Татьяны Ивановны, в миру прозывавшейся Танькой-пулемётчицей, учув раздухаристый Танькин первач, явились в гости – с весёлыми заранее лицами, с шутками-прибаутками и своей закуской, имея в виду, что Танька к поварским делам не была приспособлена и с готовностью обменивала домашние заготовки на свой товар. Пошла вовсю дружеская беседа за столом, и Светка набралась в охоту, но лишь немного повеселела, потому что брала на грудь и не такие дозы и ко всему этакому была привычна.

Она выкатилась от бабки Тани в прекрасном настроении и мечтательно упёрлась взглядом в светло-лазоревое июньское небо, раздумывая о своём звёздном предназначении, до поры до времени мирно парившем в неясных сновидениях её и ничем себя не выдававшим.

Вскоре явилась Светка к Егоровне с первым отчётом о проделанной работе и ожидала похвал и материального вознаграждения за проявленную на улицах Скопина смекалку. Но вместо ожидаемых плюшек разного рода наткнулась она

на суровый взгляд куратора и недвусмысленную его решимость задать трёпку начинающему блогеру.

«Ты что это, мать, наснимала мне по синей дыне?» - с порога начала Егоровна, грозно дыша и играя бровями, как ма-кака, учинившая погром в доме и ожидавшая за это взбучки от хозяина.

«А что такое, Ольга Егоровна? – искренне удивилась Светка и на всякий случай отступила на полшага к двери. – Я всего-то три ролика сделала. Вам сюжет с Татьяной Ивановной не понравился? Так ведь сейчас это можно, государство разрешает».

Егоровна от глупых слов Светки вся побагровела и в гневе спросила с ехидцей:

- Вот как? Значит, сивушку гнать теперь разрешено и никак не порицается?

- Да вроде так, как я слышала, - пролепетала Светка, разведя глазки в разные стороны от испуга и мозгового напряжения.

- У какого же забора, смею спросить, ты это слышала? Оно, может, и так, как ты говоришь, а только после твоей рекламы к бабе Тане непременно припрётся участковый и козью морду ей изобразит в подробностях!

- Для чего же это?

- А для того, что полицейкам тоже кормиться надо и усердие по службе показывать, дурья твоя голова! Уж услужила ты ей так услужила! Вот что, радость моя: больше никаких

хождений в народ без моего указу!

Светка, хотя и была уязвлена в самое сердце колкими речами Егоровны, всё же для продолжения карьеры и собственной безопасности согласилась слушаться её во всём и без спросу в незнакомые дома не соваться. И то сказать: на этот-то раз всё обошлось сносно и к обоюдному удовольствию сторон, а ведь можно было волею случая забрести в такой шалман, в котором и морду набьют не спросясь.

Она получила от ушедшей банкирши короткий список тех, к кому соваться с добром можно и даже в перспективе выгодно.

Пошла она нести свет добра и милости христианской в те скромные и древние избушки Скопина, где ещё кое-как доживала свой век городская интеллигенция.

Жила одна старушка в старом купеческом квартале, в белом домике в три оконца, окружённом липами и рябинами, такими же старыми, как и хозяйка дома. Она жила себе потихоньку, по-вдовьи, и уж ни о чём сугубо житейском и не мечтала, понимая, что не в добре по сундукам счастье.

Мечтала она лишь об одном – побывать когда-нибудь в городе Париже. И тому была веская причина: она, всю жизнь учившая школяров французскому языку, не только не сподобилась увидеть хотя бы раз француза или француженку, но даже и дальше Рязани в жизни никуда не выезжала.

Светка ворвалась в дом учительши, по обыкновению своему, шумно, грозно и без всяких манерных экивоков, потому что Егоровна накануне обрисовала хозяйку во всех подробностях, не забыв сказать главное: она была на всём свете одна-одинёшенька, и некому было за неё заступиться и огрaдить от Светкиного добра.

- Чего тебе больше всего хочется в жизни? – спросила она старушку, которая от такого фамильярного обращения потеряла дар речи.

Преодолев испуг, она поведала Светке о заветной своей мечте. Та, услышав про Париж, сначала остолбенела, потому что раньше принимала от скопинцев просьбы поуже, вроде стиральной машины или холодильника, а тут на тебе – заграница, да не какая-нибудь Анталия, а самая что ни на есть Европа. «Увы мне, увy, - взглянув на ошaleвшую Светку, с улыбкой молвила старушка. – Понимаю, что мечта моя несбыточна. Да разве запрещено человеку мечтать? Я думаю, что вовсе не зазорно».

Светка тут вспомнила, что и сама думала иногда о всяких там парижaх, но только добраться до них нет у неё пока никакой возможности. Решила она всё же подсобить старушке.

- Не печалься, Лидия Петровна! Помогу чем могу, - заверила она учительшу.

Из старухиногo дома побежала она сразу к Егоровне за инструкциями, потому что сама по скудоумию не ведала, как обратить мечту о Париже в прибыль себе. Егоровна выслу-

шала и аж подскочила на стуле от сладких предвкушений, - она-то знала, как дело нужно обстрять.

- Кинь клич подписоте своей, что нужно деньги собрать на Париж, - стала она вразумлять невежду.

- А согласятся ли? Ведь мало ли, кто о чём мечтает. Я вот хочу на Мальдивы переехать, да кому это интересно? - усомнилась Светка.

- А ты шибко много не думай. Вредно это для твоего организма, - усмехнулась Егоровна криво. - Ты думаешь, что людишки твои, подписота пенсионная, от большого ума тебя смотрят? Да как бы не так. Я, конечно, допускаю, что есть среди зрителей такие, которые смотрят на твой зверинец, чтобы просто развлечься и поугорать над сборищем алкашей, дуремаров местных и прочего сброда, но таких, уверяю тебя, немного. Большинство зрителей недалеко ушли от твоих актёров. Так что исполняй без раздумий мои указания.

Светка и исполнила, что велено ей было. Накидали ей на карту столько, что у неё аж головокружение от успехов случилось. Об учительше с её туманными парижанами велено было забыть раз и навсегда и даже не вспоминать, - мало ли что неприятного со старушкой могло случиться, о чём Светка предобрейшая знать заранее не могла?

А чтобы учительша глаза не мозолила и не напоминала о себе, наврала ей Светка вот что: для поездки в Париж требуется огромная сумма, деньжищ куча, и поэтому нужно взять в добром банке кредит с залогом в виде домика, которым

учительша владела по недоразумению.

- Как же я отдавать буду деньги? – спросила старушка в раздумье.

- Так с пенсии и будете, и я помогу по возможности, - вслух с убеждением в голоске ангельском фантазировала благодетельница.

Старушка ничего в финансах не кумекала и подписала не глядя все бумаги, которые подсунула ей Светка. Через два месяца, не дождавшись ни денег, ни Парижа, учительша умерла от тоски, и на скопинском кладбище вскоре появился деревянный крест над безымянной могилой. Много таких крестов появится в будущем от Светкиного добра.

Долго ли, коротко ли, а решила Егоровна от жадности расширять Светкино богоугодное дело.

- Ты поезди по деревням окрестным, - авось найдёшь какого-нибудь чудилу поинтересней для своей публики, - заявила она как-то раздобревшей от трудов Светке.

Светка, помычав раздражённо, согласилась. Вначале ошибалась она недалеко от Скопина, присматриваясь и прицениваясь к местным оригиналам, коих, к удивлению её, оказалось немало. Но допускались к камере и вящей славе не все подряд стародавние жители, а только те, которые подходили под кондиции, описанные Егоровной: «Ты смотри, чтобы

бабки и дедки были ума малого, а лучше, чтобы и вообще без него, придурковатые, но в меру, и чтобы немощь их была всем видна; но таких, которые совсем уж при смерти, нам не надобно».

- Так могу сразу и не угадать в какой-нибудь паршивке буйности, - пошутила тогда Светка.

- Это так. И на старуху бывает проруха, - согласилась Егоровна. – А ты не дрейфь, мать. В крепкие самодостаточные хозяйства тебя не допустят, потому что на кой леший ты им нужна со своим добром. Имей в виду вот что: всяких лишенцев и бестолочей у нас на Рязанщине полно, и они тебе за внимание к их пустой жизни козлом скакать будут и кукарекать с перепоею и голодухи, а тебе того и надо.

Нашла она с десяток персонажей обоего пола, подходящих под такое описание. Вскоре половина из них отсеялась по причине усталости от Светкиного ора и необходимости хоть в каком-нибудь человеческом виде представлять перед камерой в то самое время, когда душа просила одного - покоя, а тело опохмела и других приятностей.

Набрела она однажды на почтенную пару, проживавшую в половине длинной деревянной хибары, поделённой на две квартиры.

- Христом богом прошу тебя, Светлана Николаевна: обори меня со стариком от соседки! Спасу никакого нет и мочи моей – боимся через неё не только дома, но и жизни лишиться, - слёзно просила Светку Татьяна Васильевна, хозяй-

ка дома, женщина дородная, словоохотливая и жизнью трудовой учёная.

Николаевна прониклась бедой стариков и поинтересовалась:

- А что, соседка угрожает вам чем-то?

- Да нет, - поморщилась просительница, - Куда ей угрожать-то. Она, вишь ты, от одинокости и без пригляду совсем кукухой поехала. Сын её помер безвременно, и она натурально одичала – живёт как Баба Яга, ей-богу.

- Это дело как раз по мне, - обрадовалась Светка. – Это я мигом сделаю, не извольте сомневаться.

- Да погоди ты, милая. Нам что от тебя нужно-то, ты дослушай сперва. Бабка наша, хоть и слаба от немочи и давно на ладан дышит, но от дикой жизни сделалась хитрой и увёртливой. Мы со стариком уже вызывали на неё и милицию, и неотложку из дурдома, а всё без толку. Она как увидит какую власть у своего плетня, так тут же бежит в кустарник по соседству или в своей конуре хоронится, а оттуда выковырять её нет никакой возможности.

- Это почему же? Почему нельзя к ней в дом попасть? – удивилась Светка.

- Да потому что этот дом её одно название. Она свою конуру доверху забила разным хламом с помойки и проделала в нём лаз для себя, так что никто, кроме неё, туда не пролезет. Мой Миша пробовал её оттуда выкурить, так она заорала, что дом подожжёт и спалит себя вместе с нами к чёрто-

вой бабушке. А что, и подожжёт, с неё станется. Останемся мы тогда голы и босы на старости лет, а может, и жизни лишимся, кто знает.

- А вы пробовали с ней по-соседски поговорить, по-доброму? Может, она просто голодная, потому и злая.

- Да ест она чего-то, иногда из магазина баулы таскает, - поморщилась досадливо Татьяна Васильевна. – Раньше в доме костёр разжигала, а теперь, когда конуру забила полностью, во двор перешла.

- Так она что же, у себя в доме костёр разжигала?! – изумилась Светка. – Как же она не боялась дом поджечь? Ведь незаконно это!

- А ей никакие законы не указ, а милиция с врачами тем более. Приложит их по матушке и убежит куда-нибудь, а ты и бойся. Она ведь ещё и злопамятная, бабка Лиза-то наша. Вот как мы живём, Светлана Николаевна, - один страх божий.

Светка от такой кромешной истории раздухарилась вовсю и по-ефрейторски распорядилась:

- Попробую я с вашей соседкой поговорить по душам. Она меня послушается, думаю.

- Поговори, поговори, - согласилась Татьяна Васильевна. – Только если увидишь палку или ещё что-нибудь у неё в руках, то сразу беги подальше, потому что она ловка бросаться и силу в гневе имеет большую.

- Так и я в силе пока, - заметила Светка и пошла к бабке Лизе на разборки.

Светка подступила к старухиному завалившемуся забору и разглядела среди куч барахла во дворе то ли бабуку, то ли дедку в драной кацавейке. Фигура, заметив незваную гостью, замерла на мгновение в раздумье, а затем подняла с земли увесистую корягу и запустила её в ничего не ожидавшую зеваку.

Та от такой неприятности едва увернулась, а бабука, полагая, что будут ответные меры, предусмотрительно спряталась за ближайшей горой хлама и там замерла в ожидании.

- Елизавета, не знаю как по батюшке, ты чего же хулиганишь?! – возопила гостья со справедливой обидой в голосе. – Я к тебе с подарочками, а ты в меня палкой?! – и она в подтверждение своих благородных намерений потрясла перед затаившейся диверсанткой увесистым пакетом со снедью из «Пятёрочки».

Бабука Лиза к такому повороту судьбы явно была не готова и потому, обуреваемая любопытством и жадой наживы, вылезла из укрытия пред ясные очи неведомой богатырши.

- Чего это? Чего ты принесла? – спросила она с недоверием и по привычке добавила к вопросу с десятков непечатных эпитетов и олицетворений.

- Подарочки вот принесла вам, чтобы вы покушали. Тут сырок, колбаска, бананы, селёdochка, - залепетала Светка елеинно, пытаясь умиловить бабуку и нащупать слабые места в обороне. – Вы не бойтесь меня, я добрая! Я вам добра хочу! Если чем помочь надо, так я помогу, только скажите.

Как вы тут живёте одна, ведь трудно жить без помощи и без удобств.

- Да ничего, живу, - ответила бабка, обмякнув немного в виду неожиданных даров. – Я, иттить твою, без нужды обитаю.

- Да вижу, что вы женщина хорошая и самостоятельная. Хотите, я доктора вызову и волонтеров социальных, чтобы вам помогли с уборкой?

- Чего-чего? – напряглась опять бабка. – Ничего не слышу. Ори громче, чего тебе надо, а то я на левое ухо глухая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.